

Игорь ШУМЕЙКО. «ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ...».

Игорь ШУМЕЙКО

«ГРОМ ПОБЕДЫ РАЗДАВАЙСЯ...»

Четырёхтомник поэзии СВО

...В этих строках Гавриила Державина, посвященных взятию Суворовым Измаила и ставших в начале 19 века неофициальным гимном России (музыка Осипа Козловского), – век 21-й немного поменял транскрипцию.

Сегодня, публикуя статьи или молча размышляя, все невольно вписывают любые новости с информлент в Пантеон нашей истории. Похоже, вывод «Да всегда так было!» – самое универсальное лекарство, объяснение. И хроническому коварству англосаксов, вечному германо-свиньёвому (военный строй на Чудском льду) натиску, постоянным предательствам «славянских братушек», доведению России до края и поднимающимся на этом краю волнах народного гнева, героизма...

Книга «ПоЗыVной – Победа!» начинается констатацией: *«Русские писатели никогда не хвалили войну – они поклонялись солдату на войне. Они никогда не позволяли топтать ниши родовые символы, издеваться над памятью тех, кто защищал Отечество».*

Повторяемое здесь «никогда» – это «всегда» глаголов противоположных значений. *Всегда* защищали память и символы Отечества, *всегда* писали о солдатах, героях, не скатываясь к «культу войны». Кавказский волонтер, севастопольский герой Лев Толстой, даже став самым известным в мире пацифистом, «непротивленцем», называл миссию солдата: «Непорочным служением».

«ПоЗыВной – Победа!» – сборник горячих по чувству и «горящих по информационному поводу» стихотворений, открывающий четверокнижие (на январь – 2023), сиречь Антологию современной патриотической поэзии, – издание Союза Писателей России при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Составитель: известный российский поэт Виктор Кирюшин, а упомянутое предисловие, можно сказать Манифест, написал Николай Иванов, председатель СПР, писатель и участник многих боев, ветеран почти всех «горячих точек» современности, начиная с Афганистана. И для следующих книг Антологии он находит неповторяющиеся, поднимающие дух вступления.

Руководитель проекта, главный редактор издательства «Вече» Сергей Дмитриев, вместе с Николаем Ивановым разработали удобный «окопный» формат: удобно открыть на фронте, даже на московском диване – хотя бы для представления: а что там читают на фронте?

Читают ударные, честные стихи. Рассматривают иллюстрации: серая, «не демаскирующая» карандашная графика. Зарисовки очевидца, пришпиленные местом и датой: «Снайпер. Запорожская АЭС. Март 2022». Глоток реальности: помнящим со школы картины «Совет в Филях», кинокадры с «маршалом Жуковым»-Ульяновым... – рисунок «Над картой Мариуполя. Апрель 2022» будет очень непривычен. Как пишут в Интернете: «разрыв шаблона». Да, именно так сегодня идут Военные советы в СВО.

«Русские писатели никогда (ещё одно «никогда» – твердый уступ в Предисловии Иванова – *И.Ш.*) не позволяли переписывать Историю в угоду врагам». И Надежда Шляхова, вспомнив знаменитые стихи Винокурова, ставшие народной песней про Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой, горестно констатирует:

*Ах милая Польша, красавица с бантом –
короткая память и минимум смысла.*

*Серёжка и Витька – теперь оккупанты,
как полмиллиона в могилах за Вислой.*

Стихи Александра Андреевича Проханова из цикла «Алеюший восток»: знакомое стране мистическое зрение, орфическое восприятие истории, не упускающее, однако, точных деталей, военной «матчасти»:

*Жилой квартал месили «грады»,
их оборона шла на убыль.*

*Убит комбат, ему наградой
достался мёртвый Мариуполь.*

Хрустел Урал, дрожала Волги жила.

Рвалась границы призрачная лента.

*То распрямлялась русская пружина,
скрипящие сдвигала континенты...*

Видно – цепкий глаз афганского военкора Проханова нацеплял «детали матчасти»... Так ведь и Лев Толстой дал зримо достоверную, потрясшую весь мир картину Наполеоновских войн – подкрепляясь живыми впечатлениями добровольца Крымской войны. Его герой 1805 года, капитан Тушин, – с Севастопольской батареи. А далее строки «Пронзенный в грудь, лежал на дне воронки, я был один заброшен на земле...» продолжают бессмертные лермонтовские «В полдневный жар в долине Дагестана».

В разделе «Песни русской весны» – стихи Владимира Скобцова, Михаила Ножкина, Юлии Чичериной... уже положенные на музыку, исполняемые на передовой, в госпиталях, концертах, изредка – и на ТВ.

Фамилия Чичериной – это вообще: «Музыка Истории» (так я назвал давнюю статью, беседу с ней). Её род 500 лет давал России

воевод, генералов, ученых, а Советской России – первого наркома иностранных дел Георгия Чичерина, прорвавшего самую тотальную блокаду в её истории. А Юля, знаменитая рок-певица, автор всероссийских хитов, дважды лауреат высшей музыкальной награды РФ «Золотой граммофон», с самого 2014 года – «ангел-хранитель» и народная певица Донбасса. Правда, в книгу вошла совсем не «ангельская» её песня «Добровольческая»:

Нам порох, как печная соль,

мы им приправим наш девиз.

Возьмем границу под контроль,

ещё одну – без вас, без виз.

Очень сильный аккорд «возьмем границу – без вас, без виз» – вызов лживым дипломатам, политикам, хладно сочувствующим обывателям.

Поэты-добровольцы

От «русских писателей, никогда не позволявших переписывать Историю в угоду врагам», – к пишущим её в эти самые дни. Некоторые – всей своей кровью. Талантливейший поэт из Верхоянска Василий Рожин. Его якутские коллеги-земляки свидетельствуют: «Вася был открытием весеннего республиканского совещания молодых писателей, его стихи рекомендовали к изданию отдельной книгой». Василий – добровольцем из Верхоянска – полюса холода пришел на нынешний «полюс» геополитической жары. Сражался героем, был тяжело ранен, но после излечения вернулся на фронт. Как многие настоящие поэты обронил пророческие строки:

Вырываю я из сердца

Душу брэнную свою.

Зажимаю рану крепко,

Хоть без сил уже стою.

Василий – двуязычный поэт. Земляки пишут: «его лирика на якутском очень пронзительна, со множеством глубинных смыслов». Да, стихи и судьба Василия Рожина – выход к «глубинным смыслам» истории России. Пример просто непонятный европоцентристам, потому и задвигаемый в самый темный угол. Всего лишь 60 (шестьдесят! – увы и мы недооцениваем сей потрясающий факт) лет прошло от взятия Казани Иваном Грозным до освобождения Москвы в 1612 году Вторым Ополчением князя Пожарского и Кузьмы Минича Анкундинова, в котором сражались отряды 20 татарских мурз и... мурзы Искера-Тобольска, «российский стаж» которого был и вовсе – 25 лет! Пришел освобождать свою Москву за две с половиной тысячи километров! А в Великую Отечественную просиял, прогремел подвиг 19-й якутской бригады, шедшей по льду озера Ильмень освобождать Старорусский район. Фашистская артиллерия и более 10.000 авиабомб превратили Ильмень в сущий ад, но 19-я Якутская задачу выполнила. Вечная память им, их наследнику добровольцу-поэту Василию Рожину! Защищают Россию, дают точный ответ западным дискусерам о «русском колониализме»...

В воздухе пахнет душицей и смертью,

Лермонтов пишет под сенью чинар,

Листья звенят тонкокованной медью,

млет селение, бредит базар...

Эти строки Алексея Шорохова, ушедшего добровольцем в январе 2023 года – потрясающий, вечно недооцененный мотив: Толстой, Лермонтов на Кавказе с горцами сражались, но как русские писатели исполняли другую, поистине великую миссию: пытливо, творчески всматривались в «противника», постигали его традиции, характер, душу. Юный волонтер Толстой мечтал стать кунаком Хаджи Мурата, много думал о нём и на склоне жизни

написал гениальную повесть «Хаджи Мурат». Лермонтов так передал миру картины жизни горцев, что и через два века глава уже мятежной Ичкерии Джохар Дудаев подолгу читал наизусть стихи Михаил Юрьевича (НТВ показывало в 1994 году). В той же Ичкерии даже среди боев хранили память, даже не помышляли переименовать Толстой-Юрт. И триумфальное продолжение той Миссии, подтверждение их правды: полки добровольцев Северного Кавказа бьются за Россию на Украине. Самый первый Герой СВО погибший 24 февраля 2022 года, почитатель Расула Гамзатова и начинающий поэт Нурмагомед Гаджимагомедов: подорвал себя и окруживших бандеровцев гранатой, посмертно принят в члены СПР.

Дети, сантименты и классика

Участник только «духовных браней» Федор Михайлович Достоевский заставил весь мир задуматься, повторять его слова о «слезинке ребенка». И одни из самых потрясающих страниц сборников «ПоЗыВной – Победа!» – о детях. Помню, Юлия Чичерина еще в 2014-м обращалась к сомневающимся: «Чтоб определить правую сторону, посмотрите, кто убивает детей».

И какие тут сомнения? – еще за год до СВО, на 20 апреля 2021 года бандеровский счет на Донбассе: 152 ребенка.

Недавно был бомбой друг убит,

его ты звала сыночком.

К нему схожу, он вон там лежит,

под холмиком с ангелочком.

Когда уже снайпер устанет бить?

– Удар не больней укуса.

Пожалуйста, не надо меня хоронить –

я темноты боюсь.

(Александр Гаммер)

Тут возможно, два варианта: или рецензент, автор сих строк, старея, стал весьма сентиментален, или это, правда, потрясающие строки:

С утра снаряд прошивает дом,

убивает отца и мать.

Теперь я один проживаю в нём,

спрятавшись под кровать.

У кошки кровью сочится глаз,

сгорела шерсть на лице,

Но снова наводчик, не торопясь,

подкручивает прицел.

И снова флажок поднимает палач,

и новый летит снаряд.

Не бойся, котя, не плачь, не плачь.

Им за нас отомстят.

Так все же, это я слезлив, или поэт Дмитрий Мельников – большой талант? Ко второму склоняет соседствующее его поистине классическое стихотворение:

Напиши мне потом, как живому письмо...

но про счастье пиши, не про горе.

Напиши мне о том, что ты видишь в окно

бесконечное синее море.

*Что по морю по синему лодка плывет,
Серебристым уловом богата,
что над ней распростерся космический флот –
снежно-белая русская вата.*

*Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в черные губы.*

Напиши про любовь, не пиши про печаль.

Напиши, что я взял Мариуполь...

Напиши (я тебя никому не отдам):

«Милый мой, мы увидимся вскоре».

Я не умер, я сплю, и к моим сапогам

Подступает Азовское море.

Нет буквального цепляния, прямых упоминаний, но, слава Богу, мы все «проходили Лермонтова» и дух, сам строй строк Мельникова напомнит про оторвавшийся дубовый листок и молодую чинару: «По небу я ветви раскинула здесь на просторе, И корни мои умывает холодное море».

Ко второму же варианту («талант») склоняет и признание «от противного», критика. В одном весьма солидном СМИ (без иронии, сам имел честь там авторствовать) рецензент Волосюк, выступая по «поэзии Донбасса», остановился именно на Мельникове, на этом тексте: «Не нужно писать стихотворение, которое можно обозначить как пропагандистское... Стихотворение завоевало чрезвычайную популярность в соцсетях. Десятки тысяч перепостов, достаточно массовый восторг. Я задал Мельникову два естественных вопроса: «Вы когда-нибудь были в Донбассе? Вы когда-нибудь видели Азовское море?» – «Нет». «Вы когда-нибудь в Мариуполе были?» – «Нет». Тем не менее – есть текст».

Продолжает Волосюк, сравнив Мельникова с Симоновым: ««Жди меня и я вернусь» – стихотворение человека, который сам находится на фронте, а не человека, который занимается имитацией».

Теперь о козырях. Анонс редакции: «Поэт Иван Волосюк всю жизнь прожил в Донбассе и лишь около года назад переехал в Москву. А потому может взглянуть на сам феномен донбасской поэзии буквально со всех сторон». Дело не в том, что «два естественных вопроса» Волосюка напомнили милиционера: «Так, гражданин, ваш паспорт? Где прописаны?». Самое потрясающее: они кажутся рецензенту «естественными». На сей статье я потому и остановился: дело касается многих из трехсот авторов Антологии.

Скажите, естественен ли вопрос: «Гражданин Пушкин, вы хоть раз были в Севилье, объятый мраком и сном? В Шотландии? Бургундии?». И самый убийственный («срезающий» как в рассказе Шукшина): «А в Полтаве?». Тут пора сообщить рецензенту «одно пренеприятное известие»: в литературе есть несколько жанров, ну точно больше одного. Документалистика, да, требует точных деталей. Роман, эпопея тоже «провисают» без выверенных подробностей. Для «Истории пугачевского бунта» Пушкин поехал в долгую командировку «по местам боев». Замахнувшись на «Войну и мир», Толстой вдоль-поперек исходил поле Бородина (ещё не босиком, а все ж: лично, графскими ногами).

Но есть же и другие жанры, например, поэзия, где пока «разрешено» воображение, где имена городов-морей-рек-гор – сиречь: образы, метки, не совпадающие с местом прописки автора, даже с бирками на его чемодане путешественника. Любимый пример. В самом первом стихотворении русской силлаботонической системы, используемой нами по сей день, её создатель дал величественную картину родины Василия Рожина:

Хотя всегдашними снегами

Покрыта северна страна,

Где мерзлыми борей крылами

*Твои взвеваает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.*

Страшно и представить Михайлу Ломоносова под градом естественных вопросов: «Бывал ли в Якутии? Видел ли Лену? Иль у тебя всё как у твоего тезки Лермонтова в «Бородино»: географических реалий шелуха»? (Почему именно «шелуха» – чуть далее).

Требовать от 16-строчного стиха Мельникова: «Давай подробности!»? Даже автор стократно большей поэмы «Полтава» (1587 строк с примечаниями) – «ни разу не был, не видал» заглавного пункта своего опуса, в чём по логике Волосюка безнадежно проигрывает любому полтавчанину.

Поэзия Донбасса – «пропаганда»? Контрстатья о ней – «контрпропаганда»? Избавит от сей тягомотины как раз «сравнившаяся морю шириной» наша поэзия. Волосюку (я воспроизвел лишь малую долю его огромной статьи) в стихе Мельникова видится: «Если мы отшелушим эти географические реалии, то есть уберем мариупольскую канву событий... это отсылка к Жириновскому, который обещал в Индийском океане омыть сапоги русского солдата».

А мне, как и признался ранее, это омовение напомнило погибший дубовый листок, молодую чинару, корни, «омываемые холодным морем». Рассудите: бравый солдат, живой (как иначе?) победитель, моющий сапоги в Индийском океане – или погибший у берега Азовского моря? И если в строках Мельникова кроме

«географических реалий» о печальном, грустно-задумчивом исходе вам не напомнят поэтический размер лермонтовского стихотворения, интонация... лучше, действительно, не открывать ни «Поэзию» Донбасса, ни какую другую.

А читателю сквозь классические и самые новые облака неотвратимо мелькнет вызывающая усмешка:

На закат, который еле тлеет,

облака как лебеди летят.

Русские сдаваться не умеют.

– Почему?

– А просто не хотят.

(Владислав Артемов)

Вызов, неподчинение России мировому гегемону, оскорбляющие их логику, прорываются и в семантику. «Двойное отрицание» в английском считается ошибкой, спецификой русского языка. Стих Игоря Морозова начинается, как типично русская песнь, памятная ещё с «Черного ворона»: прощание с любимой погибающего солдата. Упоминается бывший, в далекой мирной жизни его конкурент: «А тот студент, соперник мой. Очкарик, книгочей... Прости его, что он живой, а я уже ничей». Но невероятный накал памяти, страсти рождает редчайшее даже в русском языке (я, честно, встретил впервые) – тройное отрицание:

Прости за лучшие года, возможные с другим,

Прости за то, что никогда никто не повторим.

Просто гениальная «ересь»!

Стихи, подборки авторов сборника коротки, как в нынешнем бою: выстрел – смена позиции, но как же «исключительно» хороши протяженные баллады(?) Константина Фролова-Крымского. «Не

будите русского медведя!» столь весело скачет упругими катренами с почти частушечными твердыми рифмами, что готов поглощать это десятками страниц.

*Не мешайте царствовать и править,
Есть и пить, покуда сердце бьётся.*

*Вы себе не можете представить,
Чем для вас всё это обернется...*

*И душонку, сжавшуюся в плоти,
Теребя под хмурым взглядом гостя*

Вы тысячекратно проклянете

Глупую идею «Дранг нах Остен».

Жаждающие новых территорий

Для бейсбола, регби или гольфа,

Прочитайте парочку историй

Про Наполеона и Адольфа...

Есть в сборнике и поистине уникальное анонимное стихотворение. Прислано «с той стороны» линии фронта, но взято на страницы «ПоЗыVной – Победа!» отнюдь не по снисхождению («Послушаем-ка голос и оттуда!»).

Жизнь не будет больше прежней,

Гибнут боги и кумиры,

Обесценены надежды,

Рушится порядок мира.

Попробуйте, произнесите «Рушится порядок мира» – несколько раз, ведь строй заклинаний позволяет, даже потворствует

кратным повторам. Потрясающая ритмика. И этот автор должен сейчас скрываться, затыкая уши от хрюканья: «Бандэра придэ – порядок навэдэ!». Тут сама русская поэзия подпирает геополитику, напоминает: гигантские провинции – Слобожанщина, Новороссия – были отданы под расселение русским, татарам (как отцу нынешнего главолигарха Незалэжной – Леониду Алексеевичу Ахметову) из центральных губерний России. Да ещё и бежавшему от польских плетей западэнскому *быдлу* (извините, что не правлю задним числом официальный термин Речи Посполитой) позволили селиться здесь. А сегодня *оно* зачищает территорию (9/10 от площади УССР, промерьте «приданное Богдана Хмельницкого»: 1/10): тщательно зачищает подаренное от потомков дарителя.

И «классическая» классика

Составитель включил в сборник и уже самую общеизвестную хрестоматийную классику: «Жди меня» Симонова, «Василий Тёркин» Твардовского, «Дороги» Ошанина, «Песенку фронтового шофера» Ласкина и Лабковского.

Но это оставляет вопрос: а где «На независимость Украины» Иосифа Бродского? Кроме поэтики: уникальны подробности явления его на свет.

«Не мог наш Иосиф написать такое!» – твердили те, кому политкорректность, рукопожатность, как романы г-же Лариной, «заменяли всё». Крича «Это не Бродский! Провокация!», они опровергали свидетельства, даже кинокадры(!) с читающим «этот ужас» Иосифом Александровичем. Увы, комичность спора заслонила главное: ведь в установленный теперь год написания «пророчества», 1991-й, незалежно-свидомые ещё особо не проявили себя. Ни переворотов, запретов русского языка, ни всеожжений в Одессе, волн убийств по Левобережью... Ещё 23 года РФ будет задабривать, обеспечивать РУ. Не только тепло, свет, работающие моторы... Нефтегаз по особо-дружеским ценам обеспечил конкурентность, возможность их экспорта, особенно удобрений,

металлов, сельхозсырья. Целое поколение политиков еще будут бормотать о «вечных братстве-дружбе», а Иосиф Бродский...

Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:

скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.

Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,

по адресу на три буквы на все четыре...

стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы

с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.

Технический эпилог

Въедливая память подсказывает: в сборниках «по случаю», «в честь...» бывало немало холодных, дежурных, бездарных стихотворений. Здесь же среди более ста стихотворений таковых – *нет!* Опять два варианта: или были присланы тысячи текстов, что позволило отобрать лучшие (подвиг составителя Виктора Кирюшина), или волна подлинного народного страдания, героизма – взметнула таланты, «повысила планку». Читатель в выигрыше – в любом случае.